

Деревенские детективы

(Очерки истории симбирской
полиции)

В начале февраля 1917 года на стол симбирского губернатора лёг рапорт о похищении урядников 16 и 17 участков Буинского уезда:

*Его Сиятельству Господину Симбирскому
Губернатору от Буинского уездного исправника.*

РАПОРТ.

В ночь на 8 октября минувшего года в с. Языково Симбирского уезда у крестьян того села Степана Маленкина и Ивана Кунькова с подножного корма были украдены три лошади, и благодаря энергичной деятельности урядников 16 участка Краснова и 17 участка Чернова, одна из похищенных лошадей была найдена в с. Балабаши Башиев у проживающего в этом селе Лаишевского мещанина Дмитрия Свинцова. Вторая – в деревне Балабаши Нурусове у крестьянина Лукьянова и третья – в селе Митрополье Курмышского уезда у Василия Баранова.

Урядниками было установлено, что похищенных лошадей сбыли этим крестьянам татары деревни Полевых Бекиши, первому – Садретдинов Бимеш с поддельной распиской, второму – Арслан Исаков без расписки и Алемзян Садыков украденную лошадь – серую матку – сбыл прежде крестьянину деревни Балабаши Нурусовой Андрею Клементьеву, а последний перепродал с подложной распиской Баранову в селе Митрополье, и что кражу лошадей совершили конюкрады деревни Шатрашан Абдрахим Велев и Веллиула Габайдуллов, которые и сбыли их в Бекишки, Бимеш и другим. А последний Свинцову, Лукьянову и Клементьеву. Обвиняемый Велев в Шатрашанах был допрошен урядниками и в краже совместно с Габайдулловым сознался. Габайдуллов же находится в неизвестной отлучке. Похищенные лошади выданы потерпевшим, а дознание направлено по подследственности.

Об изложенных энергичных действиях урядников 16 участка Краснова и 17 участка Чернова в деле розыска похищенных лошадей и конюкрадов представляю ВАШЕМУ СИЯТЕЛЬСТВУ и прошу поощрить их денежной наградой, так как они во все указанные местности ездили и понесли значительные расходы, возместить которые выдачей прогонов (на одну лошадь) и суточных (15 в сутки) нет возможности».

Говоря современным языком, эти «деревенские детективы» вдвоём разоблачили межрайонную организованную преступную группу, занимавшуюся кражей и легализацией лошадей.

Стража на страже

С 1 января 1851 и до 20 мая 1920 годов в состав Симбирской губернии входили 8 уездов – Алатырский, Ардатовский, Буинский, Карсунский, Курмышский, Сенгилеевский, Симбирский, Сызранский. В 3733 населённых пунктах, по 153 волостям, проживали 2089235 человек.

Главой уездной полиции был уездный исправник. Уезды подразделялись на станы, возглавляемые становыми приставами, которые отвечали за состояние общественной безопасности на вверенной территории, собирали сведения о проживающих и пр.

В 1878 году приставы получили помощников в лице урядников, которые

производили дознания по уголовным делам. Законченное урядниками дознание начальник уездной полиции передавал судебному следователю с сообщением об этом прокурору.

Имели урядники и много других обязанностей: наблюдение за поведением обывателей во время церковных служб, пресечение антиправительственных действий и слухов, контроль за ношением оружия, исполнением правил питейной торговли (продажа спиртного с 7 утра и до 22 в селах и до 23 часов в городах в будние дни, в праздничные и воскресные – по окончании литургии; в местах реализации спиртного не допускались музыка, азартные игры). В распоряжении урядников находились сотские и десятские.

Основной формой работы урядников было патрулирование обслуживаемой территории. При этом особое внимание они должны были уделять наиболее посещаемым (базары, площади и пр.) и «глухим» местам.

Ещё одна категория нижних чинов – стражники. В 1903 году была проведена частичная реорганизация сельской полиции. Вместо выборных от крестьянства сотских были учреждены штатные должности сельских стражников, которые являлись низшими чинами полиции, т. е. государственными служащими. Общее количество стражников определялось из расчёта не более одного на 2,5 тысячи жителей. В уездную стражу принимались преимущественно отставные или уволенные в запас чины, русские подданные, достигшие 25 лет, грамотные и обладавшие «здоровым телосложением».

Деньги на их содержание поступали в казну за счёт того, что натуральная полицейская повинность для крестьян была заменена специальным

денежным сбором. Из стражников в случае необходимости могли быть сформированы отряды сельской стражи, составлявшие вооружённый резерв в распоряжении уездных исправников. Объединённые с урядниками, они составляли уездную полицейскую стражу, в состав которой входили в том числе и конные команды.

Урядники вооружались револьверами и шашками, стражники – только холодным оружием, хотя и имели право ношения огнестрельного, но приобретать его должны были за свой счёт.

В Симбирском уезде, например, уездным исправником в 1917 году служил коллежский советник Корнил Александрович Соловьёв. Становым приставом первого стана состоял житель с. Покровское титулярный советник Александр Алексеевич Бельский, второго – коллежский регистратор Павел Петрович Ульянин из Тагая и третьего – коллежский ассессор Пётр Сергеевич Корнев, постоянно квартировавший на станции Ключищи. В их подчинении состояли 136 человек: исправник, секретарь, помощник, регистратор, два столоначальника, шесть станových приставов, их помощник, старший офицер стражи и три просто офицера, 19 урядников, 10 старших стражников и 90 рядовых. Примерно такая

же структура существовала и в других уездах. Общая же численность сельской полиции была чуть больше тысячи человек.

В марте 1917 года эта структура ляжет в основу штатного расписания вновь создаваемой милиции.

Реформа

После ликвидации института губернаторов их места заняли губернские комиссары. В Симбирской губернии им стал заместитель председателя губернской земской управы Фёдор Александрович Головинский – дворянин, один из крупнейших землевладельцев.

Первое, что предстояло ему сделать, – это сформировать новые органы власти, её вертикаль, выражаясь современным языком. О том, как она должна была выглядеть и чем заниматься, подробно расписывалось в специальной «Инструкции Губернским Комиссарам» за подписью министра-председателя князя Львова, «спущенной» из Петрограда. Один из её пунктов гласил: «Начальники милиции должны исполнять предложения комиссаров, направленные к охране государственного порядка и безопасности личности и имущества всех граждан. Общее положение о милиции на днях будет представлено правительством».

25 марта Головинский рапортовал в Петроград о том, что первый этап формирования новой структуры выполнен. «В Симбирске, Сызрани, некоторых уездных местностях милиция уже организована».

На то, какие это местности, указывают то и дело встречающиеся в документах сообщения о чрезвычайных происшествиях, связанных с милицией. Что, в общем-то, не удивительно: никто толком не знал, кого можно брать в милиционеры, а кого нет, что надлежит делать уже принятым, какие у них обязанности и какие права, не говоря уж о том, как надлежало действовать новоявленным стражам порядка в тех или иных случаях.

Например, выполняняя разосланный 14 марта на места указание «теперь же снять в официальных учреждениях портреты царствующих особ», в с. Болтинка Курмышского уезда милиционер Пулин едва не напоролся на пулю местного почтальона Мишанина. Верноподданный служащий с оружием в руках бросился на защиту висевшего в почтовой конторе портрета Николая II, который пытался снять милиционер. К счастью, обошлось без крови.

Однако вернёмся в середину марта. Пятнадцатого числа – новое ЧП: в Симбирск приехал некто Андрей Новичков, именуемый себя карсунским милиционером. В сильно нетрезвом виде он заявился не куда-нибудь, а прямо к губернскому комиссару, где арестовал первого попавшегося на глаза «свободного гражданина», однако был усмирён работниками канцелярии и отправлен по месту службы. «Ограждая высокое звание милиционера, прошу Вашего распоряжения исключить Новичкова из состава милиции», – писал Головинский главному карсунскому милиционеру.

Начальник губернского «УВД»

Если к началу мая 1917 года процесс формирования симбирской городской милиции приобрёл более или менее упорядоченную форму, то этого нельзя сказать о губернии в целом. Разумеется, Ф.А. Головинский пытался как-то упорядочить деятельность в этой сфере, однако у него хватало и других забот. Требовался человек, который смог бы возглавить

Стражники

Исправник

поскольку пребывал в Петерограде, где служил в первом запасном пулеметном полку.

Уже 3 мая Головинский шлет телеграмму товарищу министра внутренних дел князю Урусову, в которой ходатайствует об откомандировании офицера в Симбирск ввиду необходимости «срочнейшего формирования милиции и возрастающей преступности».

Переписка тянулась около месяца, и вот, наконец, 1 июня подпоручик прибыл в Симбирск. 13-го приказом Головинского А. Ф. Бонч-Осмоловский официально назначается «Инспектором милиции в Симбирской губернии для формирования ея».

15-го числа ему вручают служебное удостоверение, в котором сказано, что «по приказанию Военного Министра подпоручик Бонч-Осмоловский имеет право ношения и хранения как огнестрельного, так и холодного оружия».

Две беды

Первая и главная проблема, с которой столкнулся начальник губернской милиции (как и его городской коллега несколькими месяцами раньше), это проблема кадров — где брать личный состав для комплектования подразделений? Очевидный и едва ли не единственный источник — воинские части, которыми была буквально наводнена губерния. Однако армейское начальство смотрело на «разбазаривание» подразделений весьма косо. Ещё в конце мая командующий войсками Казанского военного округа разослал в губернские управления телеграмму, в которой указывалось на нежелательность вызова войсковых команд в помощь милиции. Но уж если без армии в этом деле никак не обойтись, то командующий предлагал прислать ему расчёты численности военнотружущих, необходимой для пополнения милицейских рядов, а также способности местных бюджетов эту «численность» содержать. При получении сведений командующий обещал направить в распоряжение городской и уездной милиции требуемое количество солдат «из числа непригодных к отправлению на фронт».

Ещё один источник комплектования милицейских рядов — это те, кто

получили или мог получить отсрочку от призыва. Однако и здесь всё было не так просто. Эту возможность жёстко регламентировали циркуляры Главного комитета по делам о предоставлении отсрочек: «отсрочки от призыва могут быть предоставлены военнообязанным, служащим в милиции по избранию: на должность начальника милиции или его помощника, в возрасте призыва 1909 года и старше; а лицам, назначенным на все остальные младшие должности, в возрасте с 1909 года призыва и старше».

Но даже этот контингент пребывал в рядах стражей порядка, что называется, на птичьих правах: ещё 9 мая начальник штаба округа полковник Караулов предупредил губернских комиссаров о том, что с 1 июня «все офицеры и солдаты, назначенные из войсковых частей в милицию, будут отозваны в свои части». В преддверии этого катастрофического для органов правопорядка события начштаба любезно рекомендовал гражданским властям «озаботиться приисканием соответствующих лиц для службы в милиции» и «безотлагательно принять самые энергичные меры к подысканию необходимых лиц для замены упоминаемых офицеров и солдат».

Другая проблема — чем вооружить тех, кто всё-таки придёт на службу? По этому поводу имелось разъяснение Временного правительства, поступившее в Симбирск по телеграфу 3 июня. В нём говорилось: «В Министерство поступают от Начальников Милиции, а также от разных организаций и заводов ходатайства о разрешении отпуска из артиллерийских складов оружия для нужд Милиции. Благоволите широко оповестить, что револьверы и патроны к ним, шашки для милиции могут отпускаться с артиллерийских складов только органам Городских и Земских Самоуправлений за счёт последних по требованиям Вашим, направляемым через Главное Управление по делам милиции; добавляю, что для Милиции должно быть использовано, прежде всего, оружие бывшей полиции, что требование на оружие должно быть ограничено ввиду недостатка такового и нужды в нём армии, что милиции присвоены только револьверы и холодное оружие. За МВД Урусов».

и организовать процесс формирования милиции на уровне «региона».

И вот на заседании губернского исполнительного комитета 2 мая был рассмотрен вопрос «О замещении должности Губернского Инспектора милиции». В решении, принятом по нему, сказано: «Признать желательным вступление в эту должность подпоручика Александра Фёдоровича Бонч-Осмоловского, просить комиссара возбудить ходатайство об откомандировании Бонч-Осмоловского в ведомство МВД».

В начале прошлого века эта фамилия была в Симбирске хорошо известна. Михаил Фёдорович Бонч-Осмоловский — потомственный дворянин, служил земским начальником, членом Буинской уездной земской управы и предводителем уездного дворянства. В Симбирске он был совладельцем двухэтажного каменного дома на углу улиц Московской (Ленина) и Спасской (Советской), ныне несохранившегося. Вторым собственником состоял его младший брат — 35-летний Александр Фёдорович — дворянин, присяжный поверенный Симбирского окружного суда. Именно его и назначили губернским инспектором милиции.

Однако приступить к должности немедленно подпоручик не мог,

В переводе с бюрократического на обыденный язык сие означает: пользуйтесь тем, что есть. А хотите большего – платите.

И словно в насмешку вслед за приведённой выше телеграммой в Симбирск поступила разработанная в МВД инструкция «Об употреблении оружия служащими в милиции при исполнении ими служебных обязанностей». Принципиально она мало чем отличается от современных правил. Разве что гораздо короче.

Оружие милиционерам разрешалось применять в следующих случаях:

«1. Для отражения всякого вооружённого на него нападения.

2. Для отражения нападения, хотя бы и невооружённого, но сделанного несколькими лицами или даже одним лицом, но при обстоятельствах, когда никакое иное средство защиты не было возможно.

3. Для обороны других лиц, когда никакое иное средство защиты не было возможно.

4. При задержании преступника, когда он будет препятствовать сему указанными выше насильственными действиями (п. 1 и 2) или когда невозможно будет преследовать или настигнуть убегающего.

5. При преследовании арестанта, бежавшего из тюрьмы или из-под стражи, когда невозможно настигнуть его или когда он противится задержанию предусмотренными выше насильственными действиями.

В каждом из вышеозначенных случаев служащий в милиции обязан о всех обстоятельствах и последствиях употребления в дело оружия доносить при первой к тому возможности своему непосредственному начальнику».

Однако в условиях острейшего дефицита вооружений инструкция эта имела для милиционеров скорее познавательное, нежели практическое значение.

Свобода без границ

Следующие после назначения несколько недель Бонч-Осмоловский колесил по уездам, знакомясь с состоянием дел и, при необходимости, оказывая «практическую помощь», которая сводилась, в основном, к разъяснению «текущего момента».

О результатах этих поездок он докладывал в Петроград весьма сдержанно:

«В главное управление по делам милиции

...сообщаю, что организация милиции в губернии во всех уездах ещё не закончена. При объездах губернии мною даются указания о проведении в жизнь Временного Положения 17 апреля. При этом встречаются затруднения в подыскании подходящих лиц для замещения должностей, особенно участковых начальников милиции, а, кроме того, принцип назначения чинов милиции не везде удаётся провести, т. к. население считает себя вправе выбирать и сменять все органы милиции».

Благодаря революционному принципу выборности весной 1917 года сельским милиционером мог стать кто угодно, лишь бы сельчане проголосовали. При этом как новоявленными стражами порядка, так и их «электоратом» милицмейские функции трактовались весьма широко и своеобразно.

Случай, произошедший в Бекетовке Мало-Карсунской волости Карсунского уезда, весьма примечателен с точки зрения подбора и расстановки новых милицмейских кадров.

27 июня в указанном выше селе был разгромлен и разграблен дом землевладельца Николая Владимировича Бекетова. Похитители, разбив окна, ворвались внутрь, где разломали и разграбили всё, что можно было. Не поддался лишь несгораемый сундук – его не смогли ни вскрыть, ни унести.

Лично выехавший на место происшествия начальник бюро Симбирского уголовного розыска Пушин раскрыл преступление, что называется, по горячим следам, и очень скоро все участники погрома предстали перед следователем 2 участка Карсунского уезда г. Якубенко.

Изобличёнными в налёте на чужой дом оказались: сторож имения Бекетова Михаил Столяров, его брат Иван и жена Прасковья, а также местные крестьяне Егор Зиновьев, Фёдор Желнов, Иван и Василий Андриановы, Евдокия Гаврилова, Никита Спиридонов, Ксения Лисова, Семён

Урядник

Васенькин, Марфа Косырева и Василий Максимов. Часть похищенного у них была изъята и возвращена владельцу.

Между тем и в уезде, и в волости в то время уже была милиция. Куда же она смотрела? Почему ничего не делала для пресечения бесчинства? Да потому, что участвовала в нём сама! Дознанием было установлено, что главную роль в погроме и расхищении чужой собственности играли начальник сельской милиции Дмитрий Косырев (с женой Марфой?), член правления сельской милиции Андрей Гришин, начальник волостной милиции Василий Маркин, председатель сельского комитета Евстигней Косырев и секретарь волостного комитета Евграф Дементьев. Какова дальнейшая судьба этих людей, неизвестно. Однако на службе в милиции они, хочется надеяться, не остались.

Совершенно очевидно, что подобного рода эксцессы ни авторитета, ни доверия к новоявленной правоохранительной структуре не прибавляли.

Владимир Миронов

Продолжение следует